

способна упрощать аффекты, поэтому иногда её называют языком ангелов. Тембры, мелодии и ритмы дают удовольствие, сходное с гастрономическим. Это принимается как должное и не подвергается сомнению [6, с. 7]. Отсюда возможность отвлечься, не задумываясь о смысле жизни. Развлекательная музыка настроена на тональность человека, который рад жизни. Она беспредметна, её нельзя отождествлять с какими-либо событиями.

По Адорно, легкая музыка создает нечто вроде рая, где нет горя и страданий, и, поскольку её идеология скрыта, она избегает критической рефлексии. Музыка — это знаки другого мира, она обещает головокружительное счастье и способна создавать иллюзию подлинности присутствия в мире. Она призывает участвовать в общем деле и не дает впасть в меланхолию, интегрирует людей, обволакивая их звуками, сближает, создает иллюзию единства. Таким образом, легкая музыка, как пение сирен, зовет на остров забвения, провоцирует субъектов на нейтральное бытие, лишённое конфликтного потенциала.

На основании вышесказанного возникает вопрос: какой должна быть стихийная реакция российских философов на интервенцию массмедиа? Старшее поколение видит в них признак разложения высокой культуры и потому расценивает как нечто враждебное, чему следует активно противостоять, причём прежде всего административными ресурсами: укреплять традиционную систему образования. Молодые вынуждены

реагировать более гибко. Нынешние школьники и студенты младших курсов с трудом читают книги, зато перед экраном чувствуют себя как рыба в воде. Учебники, напоминающие по форме комиксы, становятся реальностью. По инерции книги пишутся и даже читаются, но конец уже близок: молодежь неспособна их читать. Поэтому вопрос об изменении форм философии, о близости её искусству, в том числе массовому, — это и есть вопрос о её выживании в новых условиях, также на фоне возрастающей необходимости реагировать на актуальные вызовы современной конфликтной реальности.

1. Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 416 с.
2. Найдыш В. М. Власть тайны. Очерки по философии мифологии. М. : Альфа-М, 2014. 288 с.
3. Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб. : Наука, 2011. 667 с.
4. Леви-Стросс К. Сырое и приготовленное. М. ; СПб., 2000. 399 с.
5. Адорно Т. Избранное: Социология музыки. СПб. : Азбука-классика, 2005. 445 с.
6. Мостепаненко А. М. Четырёхмерность пространства и времени. М. : URSS, 2010. 192 с.

© Марков Б. В., Кабылинский Б. В., 2020

УДК 130.122

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-27-28-33

АКСИОЛОГИЯ ДОРОГИ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕЁ ФИЛОСОФСКО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

В статье рассматривается смысловая структура концепта дороги в российской культуре. Показано, что базовый образ дороги формируется в рамках мифологической картины мира; демонстрируется амбивалентность идеи дороги как символа и возможности, и опасности перемен, появления нового. Идеи, ассоциируемые с дорогой в дальнейшем развитии концепта, выявляются на основе анализа её художественной репрезентации в российской культуре. Автор полагает, что в российской культуре образ дороги непосредственно смыкается с идеей свободы, что и вызывает некоторые негативные сдвиги в содержании концепта при превращении дороги в железную дорогу, как раз утрачивающую качество свободы движения. Но по мере «опривычивания» техногенных форм воплощения дороги в культуре связанная с идеей дороги символика свободного движения навстречу новому возвращается и усиливается.

Ключевые слова: дорога, аксиология культуры, образ дороги в культуре, мифология дороги, железная дорога как культурный объект.

Н. И. Мартишина

N. I. Martishina

AXIOLOGY OF THE ROAD IN RUSSIAN CULTURE AND ITS REPRESENTATION IN PHILOSOPHY AND LITERATURE

The article considers the semantic structure of the concept of the road in Russian culture. The author shows that the basic image of the road is formed within the framework of the mythological picture of the world. The article demonstrates the ambivalence of the idea of the road both as a symbol of a new opportunity and as the danger of changes. The author reveals the ideas associated with the concept of the road by the analysis of the artistic representation of the road in Russian culture. The image of the road in Russian culture is directly intertwined with the idea of freedom. It leads to some negative shifts in the content of the concept when the road turns into a railway because in this case the road loses the quality of free movement. But when the technical forms of the embodiment of the road in culture become habitual, the symbolism of free movement towards the new, associated with the idea of the road, returns and intensifies.

Keywords: road, axiology of culture, image of the road in culture, mythology of the road, railway as a cultural object.

Концепт дороги, возможно, является одним из самых нагруженных смыслами в отечественной культурной традиции. Базовые мотивы его осмысления были сформированы в мифологическом сознании, наверное, тогда же, когда на земле появились первые дороги как устойчивые, закреплённые траектории происходящих движений. Одной из сторон мифологического мышления является обширная магическая практика, регулирующая различные моменты в деятельности людей, связанные с дорогами: отправление в путь, движение, возвращение, нахождение на дороге, взгляд на дорогу извне. Следы этой практики сохранились до наших дней: «присядем на дорожку», «не возвращайся — пути не будет», «уезжать в дождь — хорошая примета», «нельзя шить на дорогу», «дорогу закудыкаешь» и т. д. Достаточно оценить обширность этого списка, чтобы убедиться в значимости концепта дороги в народной картине мира и в том, как далеко уходят в глубину времен способы осмысления дороги в культуре.

Сущностью дороги и идеей, лежащей в основе всего остального спектра смыслов, является соединение различных пространств. Г. Зиммель пишет: «Люди, первыми проложившие дорогу между двумя местами, совершили величайший подвиг. Перемещаясь между двумя точками, они могли соединять их субъективно, если так можно выразиться, но объективно эти места оставались несвязанными, пока на земной поверхности не была запечатлена Дорога: воля к соединению стала формой вещей — формой, более не зависящей от частоты или редкости перемещений» [1, с. 146]. В феномене дороги возможность и процесс перемещения из одной точки в другую опредмечиваются, устанавливается постоянная связь между ними. Дорога делает расстояние преодолимым и одновременно создает его количественную определенность в пространстве и во времени прохождения. Дороги формируют тем самым основу социального пространства — первичную структуру культурного ландшафта, на которой будут выстраиваться социальные связи и отношения.

Будучи формой соединения локальных пространств, дорога сама выступает как специфическое, выделенное пространство с особыми свойствами. В рамках магической картины мира на дорогу принято выбрасывать то, от чего хотят избавиться; на дороге встречают странных существ, духов, нечистую силу, предвестников судьбы, совершают ритуалы и гадают. Как это характерно для мифомышления, в сакральности пространства дороги сливаются едино возможности положительного и отрицательного воздействия на профанную реальность: в народных поверьях существуют запреты что-то строить на старой дороге или изготавливать из выросшего на ней дерева, считается опасным что-то там подбирать, поскольку с найденным предметом можно получить болезнь, проклятье, порчу; но есть и приметы, в которых случайно найденное на дороге приносит удачу, счастье, перемены к лучшему (самый известный пример — подкова), а совершаемые на дорогах ритуальные действия защищают от угрозы, обеспечивают успех (например, существуют ритуалы символического распахивания дороги, обеспечивающего плодородие).

Для человека символическое значение дороги состоит прежде всего в идее перемены. Дорога

противопоставляется дому, как внешнее и открытое — внутреннему и освоенному. По дороге приходят все новые персонажи нашей жизни, события, впечатления. Человек, отправляющийся в дорогу, покидает одни обстоятельства и окружение и в перспективе должен обрести другие. При этом нахождение в дороге — это промежуточное и в каком-то смысле маргинальное состояние: между местами пребывания, состояниями, статусами. Соответственно, оно рискованно, и отправиться в дорогу — для мифологического сознания это сложное, рискованное действие, которое с необходимостью требует оснащения магической защитой и поддержкой.

В самом общем плане дорога метафорически предстает в мифомышлении как модель жизни человека или определенного её этапа («жизненный путь»). Укоренены в уходящих в глубину тысячелетий обрядах попытки воздействия на то, как должен сложиться этот путь, через прохождение по некой конкретной дороге — так, для молодоженов её усыпают цветами, рисом, зерном. В многочисленных приметах те, кого мы первыми встречаем на дороге, определяют наше будущее — на день, на год, на всю жизнь. Пересечение чьего-то пути, даже случайное, движением человека, животного или предметом — это всегда символически опасное для путника воздействие, ассоциирующееся с пресечением жизни. Поменяв дорогу, двинувшись другим путем, можно переломить ход событий, тоже от сиюминутного до глобального.

Спектр связанных с дорогой смыслов и аксиологически окрашенных интерпретаций, сформированный в рамках мифологической картины мира, лежит в основе образа дороги в различных культурах. Художественное осмысление дороги воспроизводит и развивает практически те же смысловые доминанты: в отечественной поэзии обнаруживается, во-первых, образ мира как структурированного и связанного сетью дорог —

И старыми и новыми
Колесами, подковами
И тысячами ног
Укатанных, исхоженных,
По всей стране проложенных... [2];

при этом каждая конкретная дорога предстает как звено этой глобальной сети, организующей и формирующей социальное пространство:

И долгий путь сквозь мокрое ненастье
осенней ночью — хриплой и бездомной
мне кажется ничтожно малой частью
одной дороги — общей и огромной [3].

Далее, в художественном дискурсе устойчиво воспроизводится идея дороги как воплощения выхода из прежнего состояния, перемены в жизни, разрыва с тем, что было, и сдвига в неопределенность:

Запрягай же, жизнь моя сестра,
в бричку яблонь серую. Пора!
По проселкам, перелескам, гатам,
за семь верст некрашенных и вод
к станции, туда, где небосвод
заколочен досками, покатым.

Ну, пошел же! Шляпу придержи
да под хвост не опускай вожжи.
Эх, целуйся, сталкивайся лбами!
То не в церковь белую к венцу –
прямо к света нашего концу,
точно в рощу вместе за грибами [4].

Соответственно, дорога в русской поэзии оказывается символом переосмысления своей жизни, подведения итогов пережитого в предшествующий период, понимания того, что в прошлом было преходящим, а что — настоящим, подлинным:

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое [5].

И в этой связи мотив маргинальности пребывания в дороге, отмеченный в контексте мифологического мышления, также получает развитие в художественном осмыслении:

Дорога, дорога,
Разлука, разлука.
Знакома до срока
Дорожная мука.

И отчее племя,
И близкие души,
И лучшее время
Всё дальше, всё глуше.
<...>
И страшно немного
Без света, без друга,
Дорога, дорога,
Разлука, разлука... [6].

В общем контексте художественного дискурса позитивные и негативные коннотации, связанные с образом дороги, находятся, в общем-то, в некотором равновесии. Дорога — начало разлуки, но и обещание встречи. Дорога открывает для нас новые горизонты, но и приводит в опасные места. В дороге человек одинок, но и свободен. И в конечном счете отправиться в дорогу означает не только покинуть то, что было; это единственный способ что-то найти, обрести, прийти к чему-то:

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам Господним
Сам себя я приведу [7].

Возможно, в российском национальном сознании (и в художественной форме его выражения) присутствует даже определенный сдвиг к романтизации дороги, к усилению её позитивного восприятия, сопряженный с чертой нацио-

нального характера, которую Н. А. Бердяев определил как странничество: «Русской душе не сидится на месте, это не мещанская душа, не местная душа... Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными её очами» [8, с. 13]. Дорога отчасти влечет нас сама по себе, потому что мы всегда в глубине души готовы сорваться с места, никогда не врастаем в землю так, чтобы не было возможности — и желания, хотя бы мимолетно иногда возвращающегося, — от неё оторваться. В этом плане концепт дороги и образ уходящей во все стороны сети «тропинок и дорог» как важнейшей составляющей нашей ойкумены, действительно, один из краеугольных камней национального менталитета.

Ситуация существенно меняется, когда дорога становится железной дорогой. Как отмечают исследователи, «первые железнодорожные пути в России... вызвали весьма противоречивую реакцию российского общества» [9, с. 43] в рамках социально-политического дискурса; в художественном мире российской культуры первичный ракурс осмысления железной дороги как новой части социокультурного пространства почти однозначно негативен. Чаще всего в связи с этим цитируется стихотворение Н. А. Некрасова, где железная дорога предстает inferнальным вторжением царства мертвецов в прежнюю реальность, но традиция её изображения именно в таком ракурсе значительно более обширна и долгосрочна. Например, те же ассоциации возникают в стихотворении М. И. Цветаевой:

Крик станций: останься!
Вокзалов: о жалость!
И крик полустанков:
Не Дантов ли
Возглас:
«Надежду оставь!»
И крик паровозов [10].

Железная дорога является символом неумолимо жесткой, равнодушной силы у Л. Н. Толстого в «Анне Карениной» (да и в «Крейцеровой сонате» рассказ Позднышева не случайно погружен в атмосферу железнодорожной поездки); у Ф. М. Достоевского, для которого она имеет значение олицетворения «всего того направления, которому железные дороги могут послужить, так сказать, картиной, выражением художественным» [11, с. 312], — символом наступления нового техногенного, рационально-бездушного социального уклада; у А. П. Чехова — в его пьесе вишневый сад обрекает на гибель именно прошедшая рядом железная дорога. Ю. А. Сытина обращает внимание на распространившийся в русской литературе мотив противопоставления живой «птицы-тройки», символически воплощающей саму Русь и русскую душу, механистическому рационализму железной дороги [12].

М. К. Чуркин в статье [9] дает анализ политических и экономических оснований негативного отношения ряда социальных групп российского общества к железнодорожному строительству; на наш взгляд, дополнением к этой теме может послужить соотнесение идеологии железной дороги с некоторыми глубинными особенностями российского менталитета. Прежде всего можно отметить в этой связи то обстоятельство, что общая для различных культур

в период модернизации настороженность по отношению к техническому прогрессу как фактору, очевидным образом трансформирующему весь прежний жизненный мир, создающему совсем иной стиль и ритм жизни, даже независимо от желаний людей, на российской почве дополнительно подпитывается также традиционным для отечественной культуры убеждением в том, что наука и основанная на ней техника неорганичны для российской культуры, что они завезены извне, силовым установлением внедрены в российскую действительность и, в общем-то, её подлинному духу соответствуют с определенной натяжкой. Поэтому любое существенное движение в научно-технической сфере неосознанно воспринимается как новый виток экспансии «квинтэссенции западного еретического рационализма» [13, с. 126], с чем сопряжен и мотив противопоставления железной дороги всему родному, человеческому и вообще живому и природному:

С призраком дыханья паровоз докучный
Мчится и грохочет мертвыми громами,
А душа природы с ласкою беззвучной
В неподвижном блеске замерла над нами [14].

Не менее существенным фактором представляется и то обстоятельство, что новая смысловая оформленность дороги с превращением её в железнодорожный путь вторгается именно в ту область, которая изначально ассоциировалась с принципиально важными для российского менталитета ценностями свободы и открытости новым возможностям. Эти идеи, как говорилось выше, традиционно составляли важную часть аксиологии дороги. Соответственно, превращение дороги из символа пути, в который можно в любой момент отправиться навстречу переменам и прочь от рутины, в организованное, расчисленное и требующее от человека подчинения своим правилам предприятие, максимально далекое от какой бы то ни было спонтанности, оказалось утратой важнейшего качества дороги, самой по себе вызывающей протест. В этой связи показательно, что у классиков Серебряного века железная дорога оказывается символом не открытых, а недоступных, ежечасно проходящих мимо возможностей:

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая... [15].

Также повторяющимся мотивом становится образ поезда, несущегося мимо всего, что могло бы стать важным и ценным в жизни, что составляет подлинное её содержание:

...Мчится, мчится железный конек,
Подхватил, посадил да и мчит...
<...>
Вон и родина! Вон в стороне
Тесом крытая кровля встает,
Темный садик, скирды на гумне;
Там старушка одна, чай, по мне
Изнывает, родимого ждет.
Заглянул бы я к ней в уголок,
Отдохнул бы в тени тех берез,

Где так много посеяно грез.
Мчится, мчится железный конек
И, свистя, катит сотни колес [16].

Неумолимое движение вагона по рельсам, где бесполезно просить вагонновожатого остановиться, также станет повторяющимся в российской художественной традиции символом грозных, неотвратимых перемен всего социального уклада. В модифицированном виде эта символика появится затем в «Заблудившемся трамвае» Н. С. Гумилева.

Факторами изменения образа железной дороги, складывающегося в российской культуре и получающего выражение в художественном дискурсе, оказываются в этой связи две основные тенденции. Прежде всего это отступление спонтанного антитехнизма под натиском официальной риторики и идеологии, превращающей социальный и научно-технический прогресс в один из важнейших ценностных ориентиров (что особенно усиливается в советский период истории российской культуры). Во-вторых, свою роль сыграло «привычивание» как один из важнейших механизмов социального конструирования. Переход железных дорог в контекст повседневного бытия и массовизация соответствующего социального опыта превращают их из угрожающей устоявшемуся образу жизни надчеловеческой силы в обычное средство реализации жизненных целей, которое выбирают люди и которое не навязывает, а создает для них способы движения к этим целям. Одним из способов такого включения железных дорог в привычный жизненный мир культуры становится распространяющееся в художественном дискурсе одушевление железных дорог и находящихся на них объектов:

...Сосредоточенный, весь — напряженье
блаженное, весь — жадность, весь — движенье, —
дрожит живой, огромный паровоз,
и жарко пар в железных жилах бьется,
и в черноту по капле масло льется
с чудовищных лоснящихся колес [17].

Превращение железных дорог в привычное средство передвижения оказывает влияние на развитие в культуре образа дороги как таковой. В частности, начинает стираться привычная антитеза дороги, открытой всем опасностям, и дома как полностью освоенного и привычного пространства. Вагон (и частично железнодорожный вокзал — [18]), не позволяя забыть о нахождении в дороге, частично принимают на себя функции временного дома, где налажен определенный быт, где люди занимаются привычными делами, где есть свои ожидаемые элементы уюта (например, чай в специальных подстаканниках) и свои ритуалы. Эта идея, намеченная и в классике:

Мороз и ночь над далью снежной,
А здесь уютно и тепло.
И предо мной твой облик нежный
И детски чистое чело.

Полны смущенья и отваги,
С тобою, кроткий серафим,
Мы через дебри и овраги
На змее огненном летим.

Он сыплет искры золотые
На озаренные снега,
И снятся нам места иные,
Иные снятся берега [19],

становится типичной в советской поэзии:

...Толстыми подошвами скрипя,
проводник прошел и хлопнул дверью.
И светало. Дым стоял у окон,
обогранный маревом зари,
точно распускающийся кокон
с розовою бабочкой внутри,
Есть в движенье сладость и тревога.
Станция, внезапный поворот –
Жизнь моя — железная дорога,
вечное стремление вперед [20].

И наконец, символика рациональной организованности, квинтэссенции порядка в образе железной дороги по мере возрастания в реальности общества модерна и постмодерна элементов иррациональности, хаотичности, непредсказуемости, при накоплении общекультурного опыта жизни в условиях непрерывной трансформации социального бытия обретает всё более и более позитивное содержание. Идея устойчивости, повторяемости, воплощенной в материальные структуры организации, когда-то пугавшая своей механистичностью, становится островком надежности в стихии бытия:

Там делалось тайное дело, царил чрезвычайный режим,
Там что-то гремело, гудело, послушное планам чужим,
В осенней томительной хмари катился и лязгал металл,
И запах цемента и гари над мокрой платформой витал.
<...>

И он в предрассветном ознобе не мог не почувствовать вдруг
В своей одинокой хрущобе, которую сдал ему друг,
За темной тревогой, что бродит по городу, через дворы, –
Покою, который исходит от этой неясной игры.

Спокойнее спать, если кто-то до света не ведает сна,
И рядом творится работа, незримо подчинена,
И чем её смысл непостижней, тем глубже предутренний сон,
Покуда на станции ближней к вагону цепляют вагон [21].

В результате к железным дорогам в полной мере возвращается изначальное символическое значение дороги — её осмысление как пространства освобождения, движения, поиска своего подлинного бытия:

Можно лечь на теплый ветер
и подумать-полежать:
может, правда нам отсюда
никуда не уезжать?
А иначе даром, что ли,
желторотый дуралей —
я на крыше паровоза
ехал в город Уфалей?
И на каждом на вагоне,
волей вольною пьяна,
«Приму» ехала курила
вся свердловская шпана [22].

И железные дороги занимают своё законное место в общей сети путевой инфраструктуры культурного пространства, становясь, таким образом, частью царства человека:

Веселые, печальные,
То ближние, то дальние,
И легкие, и торные –
Извилистые горные,
Прямые пешеходные,
Воздушные и водные,
Железные пути...
Лети!..
Плыви!..
Кати!.. [2].

Дорога — неотъемлемая часть нашей жизни, и потому всё, что происходит с нами в жизни, наполняет содержанием образ дороги. С дорогами неразрывно связаны военная история и мирное строительство, экономические достижения и политические события, развитие науки и повседневная деятельность. В дороге люди влюбляются и расстаются, меняют обстоятельства жизни и обнаруживают, что главное в ней не меняется. И всё это в полной мере относится к железным дорогам — не случайно так много событий истории и художественной литературы современной эпохи происходит на вокзалах, платформах и полустанках, в купе, плацкартах и теплушках, в электричках и специализированных поездах. Дорога не остается просто декорацией для этих событий — она наполняет их своим символическим содержанием. Идея дороги воплощает в себе факт конечности каждого этапа нашей жизни и необходимость её направленности, постоянство присутствия в жизни выбора и его возможную необратимость, принятие обстоятельств и способ от них оторваться, объединение и одиночество. И, таким образом, образ дороги является одним из ключевых концептов, которые постоянно воспроизводятся в культуре, отображая в модификациях своего смыслового спектра трансформации её духа.

1. Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. 2013. № 3. С. 145–150.

2. Михалков С. Пути-дороги // Культура.РФ : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/45313/puti-dorogi> (дата обращения: 29.05.2020).

3. Тушнова В. Дорога // Русская поэзия : [сайт]. URL: <https://rupoem.ru/tushnova/do-goroda-dvenadcat.aspx> (дата обращения: 29.05.2020).

4. Бродский И. В альбом Натальи Скворцовой // Русская поэзия : [сайт]. URL: <https://rupoem.ru/brodskij/osenogolennost-topolej.aspx> (дата обращения: 29.05.2020).

5. Тургенев И. С. Утро туманное, утро седое... // Культура.РФ : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/27763/utro-tumannoe-utro-sedoe> (дата обращения: 29.05.2020).

6. Рубцов Н. Дорожная элегия // Русская поэзия : [сайт]. URL: <https://m.rupoem.ru/poets/rubcov/doroga-doroga-razluka> (дата обращения: 29.05.2020).

7. Есенин С. А. Серебристая дорога // Культура.РФ : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/44292/serebristaya-doroga> (дата обращения: 29.05.2020).

8. Бердяев Н. А. Душа России // Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Изд-во МГУ, 1990. С. 3–29.

9. Чуркин М. К. «Постой, паровоз!»: железнодорожное дело в общественно-политическом дискурсе России XIX в. //

Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2020. № 1. С. 42–48.

10. Цветаева М. Крик станций // Интернет-библиотека Алексея Комарова : [сайт]. URL: <https://library.ru/text/3090/p.1/index.html> (дата обращения: 29.05.2020).

11. Достоевский Ф. М. Идиот // Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1980. Т. 8. 514 с.

12. Сытина Ю. А. «Русь, куда ж несешься ты?»: от «птицы-тройки» до железной дороги (Гоголь, Достоевский и другие) // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 4. С. 115–139.

13. Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. Останется ли наука системой объективного знания? // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI в. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. С. 124–144.

14. Соловьев В. С. На поезде утром // Лирикон : сборник русской поэзии. URL: <https://liricon.ru/na-poezde-utrom.html> (дата обращения: 29.05.2020).

15. Блок А. А. На железной дороге // Интернет-библиотека Алексея Комарова : [сайт]. URL: <https://library.ru/text/1745/p.1/index.html> (дата обращения: 29.05.2020).

16. Полонский Я. На железной дороге // Антология русской поэзии : [сайт]. URL: <https://stih-rus.ru/1/polonskij/27.htm> (дата обращения: 29.05.2020).

17. Набоков В. Экспресс // Русская поэзия : [сайт]. URL: <https://m.rupoen.ru/poets/nabokov/na-sumrachnom-vokzale> (дата обращения: 29.05.2020).

18. Лесовиченко А. М., Мальцева Е. А. Архетип матери как основа железнодорожных образов в литературе и искусстве // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 275–278.

19. Фет А. А. На железной дороге // Антология русской поэзии : [сайт]. URL: <https://www.stih-rus.ru/1/Fet/74.htm> (дата обращения: 29.05.2020).

20. Алигер М. Железная дорога // World Art : [сайт]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=10163> (дата обращения: 29.05.2020).

21. Быков Д. Сон о круге // РуСтих: стихи классиков : [сайт]. URL: <https://rustih.ru/dmitrij-bykov-son-o-kruge> (дата обращения: 29.05.2020).

22. Рыжий Б. Я на крыше паровоза... // Культура. РФ : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/14157/ya-na-kryshe-parovoza-ekhal-v-gorod-ufalei> (дата обращения: 29.05.2020).

© Мартишина Н. И., 2020

Е. Ю. Навойчик
E. Yu. Navoychik

УДК 37.013.73

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-27-33-36

НОРМАТИВНЫЕ ВАРИАЦИИ МОДЕРНА В ОБРАЗОВАНИИ И КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

В статье рассматривается изменение норм модерна в образовании и культуре постмодерна. Автор раскрывает связь между современными формами образования и ценностно-смысловыми ориентациями индивида в эпоху постмодерна и определяют направления их трансформации. При этом сохраняются духовные основания его образовательных и культурных практик.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, образование, культура, искусство.

NORMATIVE VARIATIONS OF MODERN IN EDUCATION AND CULTURE OF THE POSTMODERN ERA

The article discusses the change in the norms of modernity in education and culture of postmodernism. The author reveals the connection between modern forms of education and value-semantic orientations of an individual in the postmodern era and determines the directions of their transformation. At the same time, the spiritual foundations of his educational and cultural practices can be preserved.

Keywords: modern, postmodern, education, culture, art.

Современное образование давно адаптировалось к потребностям человека — оно предлагает ему не только гибкие формы интеракций, но и их вариативное наполнение. Молодежь активно выбирает подобные формы, предпочитая дистантный курс аудиторным занятиям, а интерактивное конструирование контента — академическим лекциям.

Однако в оценке этих тенденций современное общество расходится принципиально: многие считают, что мы переживаем период краха фундаментального образования, знание как результат познания и одна из ключевых ценностей культуры теряет своё значение, уступая место простой информированности или, в лучшем случае, компетентности.

Очевидно, теряет своё значение не сама ценность образования, а её понимание в эпоху постмодерна. Это может

быть связано с изменением ценностно-смысловой структуры современной личности, но не означает того, что полностью прерывается связь между традиционными нормами и ценностями и новыми.

Эта точка зрения отражает важный аспект философского дискурса постмодерна, где постмодерн не противопоставляется модерну, а связан с ним. Тогда мы рассматриваем духовное состояние современного общества не как абсолютно новое или как упадок морали, религии и образования, а как их трансформацию в соответствии с изменениями в мироощущении индивида.

Соответственно, мы можем предположить, что формы и содержание современного образования, как и культуры в целом, не могут и не должны консервироваться